

Инал Плиев

*Долгая
дорога
к миру*

*Цикл антивоенных
рассказов*

Инал Плиев
Долгая дорога к миру. Цикл
антивоенных рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19206862
ISBN 9785447492656*

Аннотация

Антивоенные рассказы, пропаганда ненависти к войне как преступному, античеловечному явлению, призыв дорожить мирными, уважительными отношениями между народами.

Содержание

К читателю	5
Третья строка	8
Тысяча девятьсот девяносто два	15
Война	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Долгая дорога к миру
Цикл антивоенных
рассказов
Инал Плиев

© Инал Плиев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К читателю

«Вещи и дела, аще не написанныи бывают, тмою покрываются и гробу беспамятства предаются, написанныи же яко одушевленнии...»

Иван Филиппов, поморский проповедник XVIII века

Воистину, достойна восхищения неизречимая мудрость Творца, создавшего всевозможные формы жизни во всей их красоте и многообразии! Нас завораживает и ласковый щебет птиц, и тихий шелест листвы, и трепетный полет ярких разноцветных бабочек, безмятежно порхающих в безбрежном океане воздуха. Мы восторгаемся бескрайними российскими равнинами и высокими Кавказскими горами, и рокотом прибоя, и плеском морской волны, игриво набегающей на берег, бесконечной глубиной голубого неба и ослепительно-белоснежными облаками на нем.

И робкий тихий ручей, и грозный бушующий водопад, и едва проклюнувшийся еще не обсохший цыпленок, покрытый золотистым пушком, и кричащий от яркого света и перемены среды обитания только что родившийся человеческий детеныш, и дождь, питающий то, чем питаются все остальные, и снег, белым ковром устилающий землю, и мягкие, теплые солнечные лучи, с нежностью ласкающие каждого из нас, – предназначены для всех, живущих на земле. На Земле.

Наши моря и горы, ущелья и равнины, пастбища и озера – все наши земли, вся Земля существовали задолго до того, как появился человек. И они надолго переживут саму память о нем.

Мы – никто. Лишь гости, странники. В соотношении с Бесконечностью наша жизнь не более заметна, чем для нас жизнь мошки-однодневки. Мошка-однодневка поступает разумнее человека, не убивая себе подобных из-за ложных идей, которые и существовать-то могут лишь в бредовых видениях.

Да... далеко еще до тех времен, когда человечество забудет войны, и все его помыслы будут направлены на сокрушение болезней и улучшение условий жизни. Далекі те времена, но мы должны к ним стремиться. Мы должны бороться против своего собственного эгоизма, прекратить убивать других или причинять им страдания.

«Война» – слово короткое. Но каковы глубина боли и отчаянья, которые она несет и сколь невосполнимы потери, которые она вызывает!

Дома, которые нас окружали, – разрушены, люди, которых мы любили, убиты... Ужасы часто приходят буднично, и порой, вопреки чешской пословице, кажется, что хуже не будет. Но с каждым днем становится все хуже и хуже. Все страшней и страшней. И страх усиливается с гибелью каждого близкого человека. Страх и за себя и за друзей, которые все еще живы.

Цикл антивоенных рассказов «Записки на манжетах окровавленной рубашки» не направлен против какого-либо народа, как не направлены против какого-либо народа произведения, рисуящие картины второй мировой войны. Напротив, они проникнуты глубокой любовью ко всем народам, любовью к самому главному, невидимому герою цикла, – любовью к миру. А в роли обвиняемого здесь – только идеология превосходства одной нации над другими.

Мира тебе, читатель!

Автор.

Третья строка

Придет время, когда трагедия, потрясшая нас, скомкавшая судьбы, поглотившая жизни, станет далекой историей. Кое-что даже попадет в школьные учебники. А кое-что сотрется из памяти. Но мы никогда не забудем событий, очевидцами и участниками которых нам довелось быть. Мы никогда не забудем наших друзей, в чью гибель долго не могли заставить себя поверить.

Мы расскажем о них своим детям.

И детям детей расскажем.

Чтобы помнили.

Пусть помнят.

Забывать – значит испытать вновь.

Наступила ночь. Одна из тех бессонных тревожных ночей, когда люди еще вздрагивали и настораживались, услышав далекий треск автоматных очередей. Это уже потом, через несколько месяцев, люди перестанут обращать внимание не только на сухую перебранку автоматов, но и на уханье, свист и разрывы гранат, мин, ракет, снарядов и прочей подобно гадости, предназначенье которой – убивать, убивать, убивать...

Свежевыпавший ослепительно белый снег добросовестно отражал бледный серебристый свет, излучаемый огромной

толстушкой-луной, которая с искренним изумлением смотрела на людей и не могла понять, почему они убивают друг друга.

Словно перемигиваясь, холодно мерцали далекие звезды, и создавалось впечатление, что они хотят сказать: «Нас – мириады, нам нет числа, но места здесь хватит всем». Они любили людей. Людям было не до любви.

Бесик Угашвили, корреспондент одной из ведущих советских газет, прибывший в горячую точку для освещения конфликта, не видел этих звезд. Он не мог их видеть. Он даже не собирался на них смотреть. У него было дело поважнее.

В репортерский блокнот друг за дружкой ложились торопливые строки: «Я стою, освещенный ярким светом электрической лампочки, и, может быть, именно в эту минуту в меня целится один из тех бесчеловечных осетинских экстремистов, которые уже привыкли проливать невинную грузинскую кровь...» Он любил опасность. Но не настоящую, а так, – чтобы потом можно было вспомнить и побахвалиться.

– Бесо! – позвал его водитель бронетранспортера, обещавший показать контролируемую грузинской милицией часть мятежного города.

Бесик торопливо сунул блокнот во внутренний карман, застегнул «молнию» куртки и забрался в пузо грозной машины. Он удобно устроился на место стрелка и довольно крикнул. Раздалось злобное урчание мотора и пятнистое чудови-

ще двинулось.

Спецкор осмотрелся. Изнутри в БТРе было не так уж тесно, как он думал вначале. Ему даже немножко понравилось.

Бесик примостился у амбразуры так, чтобы наблюдать за происходящим на улице. Немного освоившись, он заметил еще и пулемет, дулом торчащий наружу. Мимоходом подумал о том, что при желании можно будет надавить на гашетку.

*«Нажми на кнопку —
Получишь результат...»*

– промурлыкал он, но прервал песню, так как третью строку не смог вспомнить.

БТР долго блуждал по безлюдным темным улицам, где грузинские милиционеры, копошившиеся вокруг небольших костерков, время от времени посылали в сторону осетинских кварталов пьяные проклятия и автоматные очереди...

– Хочешь маленький сюрприз? – прервал водитель затянувшееся молчание.

Журналист вопросительно посмотрел на него и пожал плечами.

– Заворачиваю в осетинский сектор, – объявил водитель. Его спутник попытался было о чем-то спросить, но ответ прозвучал раньше:

– Даже не думай об этом. Если мы не будем стрелять, они примут нас за русских. А в них они не стреляют.

– Все заводы, кроме химического, находятся в их руках, – продолжал водитель. – Вот, слева – механический.

Бесик кивнул. Прожектор выхватил из мрака фигуры двоих юношей. Они были в гражданском, но один из них, с русыми волосами, показался спецкору русским, и он решил, что это солдаты ВВ МВД СССР. Тем более что на снегу он заметил и оружие.

«Интервью через амбразуру БТРа» – здорово звучит», – прикинул газетчик, представив заголовок своей статьи, и попросил водителя остановиться.

– Осетинские бандиты нарушают конституционные нормы, элементарные права человека, общечеловеческие ценности; как вы на это смотрите?

– Что?

«Нет, так не пойдет», – журналист пожалел о том, что начал разговор официальным, холодным тоном:

– Ребята, я из центральной газеты. У вас закурить не найдется?

– Нет. Мы не курим, – ответил тот, что повыше, который был вначале принят за русского солдата. Выраженный осетинский акцент явно его выдавал. Да и по ломающемуся мальчишескому голосу было понятно, что хлопцу нет еще восемнадцати, следовательно, он не является солдатом внутренних войск.

Бесик слегка растерялся:

– Вы что, – осетины?

– Да, – ответил другой, помладше.

Только теперь корреспондент увидел, что предметы, принятые им вначале за автоматы, на самом деле являются самодельными хоккейными клюшками.

Кровь хлынула в голову. Слепая ярость помутила рассудок. «Эти пацаны... голыми руками... У них ничего нет, а у нас есть все! Все! И мы не можем... не можем!!!» сердце бешено заколотилось в груди. Разум охватила неумная всепоглощающая ненависть. Из глаз сыпались искры. Он был готов испепелить этот ненавистный город, весь мир, всю вселенную!

*«Нажми на кнопку, —
Получишь результат»,*

– пронеслось в его воспаленном мозгу. Он так и сделал. Пальцами нащупал гашетку пулемета и стрелял, стрелял...

Но первые огненные строки не легли в цель. Ребята бросились в сторону механического завода. Чудовище заревело и с грохотом рванулось вслед за ними, остановившись лишь, когда его бронированное рыло разнесло металлические ворота.

Бесик почти инстинктивно выхватил невесть откуда взявшийся автомат, рванул боковой люк и бросился вслед за ребятами. Забежал во двор. Следы на тонком снегу вели по лестнице на второй этаж. Спецкор настиг беглецов около запертой двери. У него была секунда, чтобы увидеть их глаза. В них не было ни страха, ни мольбы. «Как?! Как!! Эти

пацаны, эти экстремисты!». Из горла автомата вырвались, рвались и рвались огненные всполохи. Он так и ходил в руках журналиста. Мальчишки лежали, убитые, в луже крови, неестественно раскинув руки. Бесика трясло. Он разрядил в них два рожка... Но этого ему было мало и он снова и снова нажимал курок до синевы, до онемения пальца, моля бога лишь о том, чтобы из дула вылетела еще хотя бы одна пуля...

Очнулся он только, когда тяжело взбежавший по ступенькам водитель потряс его за плечи и, стараясь глядеть в сторону, взял оружие из его рук.

Бесик посмотрел на звезды и потрогал пальцем бровь.

Несколько часов спустя, возвращаясь в Тбилиси, Угашвили включил транзисторный радиоприемник в редакционном автомобиле:

*«И когда кто-нибудь
вспоминал о войне,
Он топил свою совесть
В тяжелом вине,
Перед ним, как живой,
Тот парнишка стоял...»*

Выключил. Заслал кассету в кассетник:

*«Нажми на кнопку, —
Получишь результат.
И твоя мечта осуществится»*

На следующий день центральные советские газеты, касаясь событий в Южной Осетии, походя, упомянули о гибели

«двоих осетинских экстремистов». Газеты умолчали о том, что одному из них было семнадцать, а другому – шестнадцать. Это были просто дети. Автором сообщения был собственный корреспондент одной из центральных газет Бесик Угашвили.

*«Нажми на кнопку, —
Получишь результат,
И твоя мечта осуществится.
Нажми на кнопку,
Ну что же ты не рад?..»*

1992.

*Уже после войны я видел на заводской лестнице следы
этих пуль.*

Тысяча девятьсот девяносто два (абзац из газеты)

«...образ зверя и говорил, и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя...»

Библия

Я застал ее за весьма странным занятием: она брала письма из резной деревянной шкатулки, перечитывала и бросала в жестяную печь. Труба установленной в городской квартире на пятом этаже печи была выведена на улицу через форточку, забитую куском жести, в середине которой было сделано отверстие, соответствующее диаметру трубы.

Ответив на приветствие и поймав мой изумленный взгляд, она сказала:

– Я жгу письма. Их автор этого стоит, – на мгновение задумалась и добавила:

– Я была хорошего мнения об этом человеке, но он оказался предателем.

Мне всегда нравилась ее железная выдержка. Железные нервы, железный характер. Какие бы бури не бушевали в ее душе, она никогда не позволяла себе выдать свои переживания. Ее «железность» не мешала быть удивительно мягкой с теми, кого она любила, и это заставляло дорожить ее рас-

положением.

Была ли она красива? О, нет, она была прекрасна. Я ее обожал, и она это знала. Порой казалось, нарочно разжигает мои чувства, чтобы лишний раз убедиться в их силе. Мы были привязаны друг к другу. Я часто сидел у нее в гостях, бывало, и сам приглашал на чашку чая.

– Я принес тебе свежий номер «Экспресс—Хроники», – конечно, это был лишь предлог для визита.

Она протянула мне одно из писем, предлагая ознакомиться с ее содержанием.

Я попытался возразить, но девушка с легким металлом в голосе настояла. При этом она знала, что я не стану его читать, а я понял, что истинным смыслом этого жеста была демонстрация доверия.

Я бегло просмотрел исписанные странички. В конце стояла подпись: «Георгий Хачирашвили».

– Мы встретились в Абхазии шесть лет назад на каком-то форуме дружбы. – Она с трудом выдавливала каждое слово. – Я ничего не говорила о нем, просто не заходило разговора. Как нередко бывает, наше знакомство нашло продолжение в письмах. Откуда мне было знать, что каждая его фраза – это лесть и обман, все его красивые слова – это сладкий липкий елей (я поморщился, действительно, это довольно противно – растительное масло, перемешенное с сахаром). – Он проклинал давно истлевших вождей, превознося общечеловеческие ценности, клялся в своих добрых чув-

ствах к нашему народу, писал о желании выучиться говорить по-осетински, и я ему верила, понимаешь, я ему искренне симпатизировала. Однако после ноябрьских событий 1989 года не получила ни одного ответа на свои письма Я ждала, я долго ждала, но, как видишь, не дождалась. Это значит, что он стал на сторону наших врагов.

Я молчал.

– Он предал нечто гораздо более значительное, чем просто мое доверие, – тоном, не терпящим возражений, сказала она и, достав из шкатулки все остававшиеся там письма, бросила их в огонь.

– Георгий Хачирашвили... – проговорил я, раздумывая. – По-моему, я где-то встречался с этим именем. Уж не на страницах ли этой газеты?..

Я машинально бросил просмотренное письма в печку, которой уже были скормлены его «товарищи», развернул «Экспресс—Хронику», и, пробежав взглядом по газетным полосам, нашел нужный абзац: «Как сообщила грузинская правозащитная организация, члены которой пожелали неизвестными, в конце прошлой недели за отказ расстрелять группу взятых в заложники деятелей абхазской культуры в районе Сухуми, гражданин Республики Грузия Георгий Хачирашвили, 1972 года рождения, был приговорен к смертной казни военно-полевым судом. В тот же день приговор приведен в исполнение. Лица, близко знавшие расстрелянного, сообщили, что он был насильственно мобилизован в ряды

Национальной гвардии Грузии в августе нынешнего года».

Девушка посмотрела мне в глаза с плохо скрываемым напряжением. С кажущимся спокойствием взяла газету из моих рук, сглотнула подступивший к горлу комок, и, медленно подняв на меня свои бесконечно глубокие глаза, сказала:

– Прости, мне необходимо побыть одной.

1992 – 1994.

Война

Летом 1991 года в городе Киеве я оказался рядом с памятником красногвардейцам, сложившим головы в годы Гражданской войны. Поблизости прогуливалась молодая женщина с маленьким сыном. Мальчик спросил:

– Мама, что это за памятник?

– Это тем, кто погиб в войну.

– А что такое война?

Мать не ответила, отошла в сторону. Тогда ребенок обратился ко мне:

– Большой мальчик, скажи, что такое война?

– Война – это... Сколько тебе лет?

– Мне всего четыре года и я знаю еще так мало...

– Прости, мальши, я не могу тебе ответить.

Ты не должен знать... не спрашивай меня, что такое война.

Двадцать пятое мая 1992 года в городе Цхинвале выдалось теплым, солнечным днем. Ласковая весна потихоньку уступала свои права жаркому лету. Слышалось пение птиц, шелест листвы. Город не обстреливался целые сутки и люди осмелели настолько, что даже разрешили своим детям порезвиться на улице. Гомон развлекавшихся ребятишек вызывал умиление и сжимал сердце.

Мы с приятелем прогуливались по одной из оживленных улиц города, делаясь впечатлениями о происходивших собы-

тиях и размышляя о будущем. Мы были настолько увлечены беседой, что даже не придали особого значения тем глухим гулким взрывам, которые начали раздаваться вдали. Но поведение окружающих не могло нас не насторожить: люди, еще минуту назад спокойно и уверенно занимавшиеся своими делами, стали в страхе выскакивать из домов и уволакивать свои чада в безопасные места. Прохожие превратились в пробегающих.

Количество взрывов все росло и росло. Некоторые из них раздавались совсем близко. Но это были всего лишь отдельные залпы. К ним примешивался сухой лающий треск автоматов и басистая ругань крупнокалиберных пулеметов. Вокруг не было видно ни одного человека. Улица, на которой только что кипела жизнь, вмиг опустела! Взрывы снарядов и ракет раздавались все чаще, автоматный же и пулеметный огонь стал вовсе непрерывным. Все больше и больше снарядов и ракет взрывалось в угрожающей близости от нас. Мы спрятались за толстым стволом дерева, которое росло прямо посередине улицы. Через некоторое время нам почему-то пришло в голову поменять местонахождение и мы, перебежав на тротуар, затаились между стеной дома и припаркованным рядом автомобилем. Тотчас же мимо нас со свистом и шипением пролетел снаряд и разнес в щепки дерево, которое мы покинули. Один из осколков попал в бак автомобиля и раздался еще один взрыв. Взрывной волной выбило стекла в окнах близлежащих домов. Я едва успел отпрянуть,

чтобы спастись от осколков стекла, но они порезали руку моего друга на тыльной стороне ладони. Убедившись, что в ране нет осколков, я перевязал ее своим чистым носовым платком. Пригнувшись, мы перебежали в другое место – рядом с пылающим автомобилем было не очень уютно. Канада не смолкала. Взрывы раздавались один за другим. Все слилось в один беснующийся хоровод смерти. Земля судорожно вздрагивала от взрывов и стонала от людского горя. Свист и грохот ракет, снарядов, проносящиеся огненные шары со смертоносной начинкой внушали дикий, деморализующий ужас, мы видели, как в два или три дома попали ракеты, разрушая и сжигая их. Нам не оставалось ничего иного, как бегать с места на место, потому что везде мы были уязвимы. А жить чертовски хотелось!

Когда, наконец, мы укрылись в таком месте, которое не было защищено только сверху, нам показалось, что появилась возможность перевести дух. И тут сверху упала мина, посланная минометом. Мы, не сговариваясь, бросились друг к другу – каждый хотел прикрыть собой другого. Но смертоносная «игрушка» каким-то чудом не взорвалась. Один из нас сказал, обращаясь к ней: «Ну и дурацкие же у тебя шутки», – и мы начали смеяться. Тогда нам казалось, что это смех над прозвучавшей фразой, но, оглядываясь в прошлое, я начинаю понимать, что этой была своеобразная форма истерики. Приятель хотел взять гранату и зашвырнуть ее подальше, но я схватил его за руку и потащил в другое место.

Там укрывался один русский офицер из военного городка со своими маленькими детьми. Видимо, соблазненный солнечной погодой и затишьем, он решил вывести их на прогулку, не ожидая такого поворота событий. Дети испугались взрывов и плакали. Мой приятель нарочито громко заметил, чтобы слышал военный: «Вот, видишь, русские дети расплачиваются за предательство своих отцов». Военный посмотрел на нас, но ничего не сказал. «Но ведь среди русских тоже есть хорошие люди», – ответил я своему другу, имея в виду его самого. Тут низко над крышами домов пролетел вертолет с опознавательными знаками военно-воздушных сил СССР. «Грузинский?» – спросил я. «Да», – ответил приятель. Но военный сказал: «Нет, это – российский». Мой приятель, даже не посмотрел в его сторону, зло процедил сквозь зубы: «А какая, к черту, разница?!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.